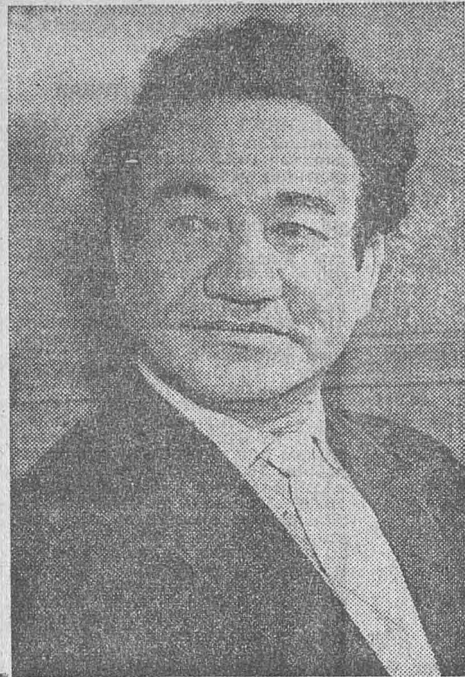

ПОТРЯСАЯ СЕРДЦА

К 60-летию НАРОДНОГО
АРТИСТА СССР ШУКУРА БУРХАНОВА

стал в возмущение против насилия, против несправедливости и гнета, царящих в старом Туркестане. И когда арестованный бунтарь подвергался пыткам, он вел себя гордо и непреклонно, обвиняя баев, колонизаторов и их приспешников. Гафур — Бурханов уходил из спектакля человеком,

не сломленным духовно, прозревшим борцом за свободу народа.

Близким Гафуру — и по строю характера, и по манере исполнения, был Юлчи из «Священной крови» Айбека (инсценировка и постановка Т. Ходжаева). Эмоциональность Юлчи сочеталась у Бурханова с напряженным стремлением осмыслить все происходящее. Познавая истоки противоречий, он приходил к пониманию причин несправедливости. Путь Юлчи — Бурханова к большевикам, нахождение им своего места в революционной борьбе раскрывали явление большой политической и общественной значимости — приход крестьянских масс к революции.

И вот Гафур и Юлчи уже во главе восставших. Только зовут теперь героя Юсуф Ялантуш и сыгран он актером не в театре, а в кино — в известном фильме «Буря над Азией» (постановка К. Ярмазова). Конкретным и в то же время символическим воплощением этой революционной бури и стал Ялантуш Бурханова. Очень земной и одновременно легендарный сын народа.

Гафур, Юлчи, Ялантуш — то были не просто яркие образы, в них виделись судьбы народа и социальные процессы века, в них слышались поступь истории и голоса времени. То были «типы эпохи». Таковы все наиболее значительные создания Бурханова.

Его Олеко Дундич из одноименной пьесы (режиссер Ш. Каюмов) полностью соответствовал характеристике, которую дал этому герою гражданской войны К. Е. Ворошилов, назвавший его буквально сказочным героем, «львом с сердцем малого ребенка». В то же время (спектакль шел в годы Великой Отечественной) Бурханов играет такого непохожего на пламенного, бурного Дундича — полного спокойствия, сдержанности, самообладания Михаила Васильевича Фрунзе из драмы И. Султанова «Полет

орла» (постановка И. Берсенева и А. Турдыева). Бурханов показывал его не только как полководца, но и как воспитателя народных масс — верного ленинца.

Реально жившие исторические герои гражданской войны Фрунзе и Дундич позже пополняются действовавшими в пору Великой Отечественной войны советским полководцем Сабиром Рахимовым («Генерал Рахимов» К. Яшена, постановка Я. Бабаджанова) и чешским антифашистом Юлиусом Фучиком («Дорогой бессмертия» В. Брагина и Г. Товстоногова, постановка Т. Ходжаева). Процесс работы над этими образами требовал не только погружения в глубины роли, но, я бы сказал, аналитического подхода ко всему, что было связано с жизнью этих героев. И если материалы о Сабире Рахимове оказались совсем близкими, то отдельные страницы жизни Фучика, с которыми познакомился Бурханов, сделали для него и чешского коммуниста осязаемым «во плоти и крови».

Узнать о современниках — Рахимове и Фучике просто, но вполне доступно. А вот как вызвать из дали веков Брута и Улугбека, как реально и зримо ощутить их бытие, не только как исторических лиц, находящихся в центре политической борьбы своего времени и близких нам своей прогрессивной устремленностью, но и как живых людей — со своими пристрастиями, привычками, вкусами, со своей манерой мыслить, чувствовать, говорить? Истинному художнику — подвластно и это.

«Современность Брута — Бурханова — в способности актера заполнить свою роль республиканским пафосом и величием духа титана-борца, сохраняя всю правду интимных переживаний, малейших изгибов внутренней жизни героя», — так характеризовал исполнение актера в спектакле «Юлий Цезарь» Шекспира известный театровед профессор Г. Бояджиев.

В центре спектакля, поставленного А. Гинзбургом, — трагедия жизни и смерти великого республиканца.

Брут Бурханова подкупает внутренней цельностью. Мысли его масштабны и темпераментны. Эмоции — мощные, хотя и глубоко запрятанные. Пластика — монументальная.

Бруту Бурханова близок и его Улугбек из одноименной исторической трагедии М. Шейхзаде. Близок не только стремлением сыграть роль по-шекспировски масштабно и многосторонне, но и всей трагической коллизии

ей. Но разворачивается она в конкретно-исторических обстоятельствах восточной деспотии XV века.

Трагедия правителя просвещенного, старающегося осознать источники добра и зла на земле, но далекого от народа и не могущего своими единоличными действиями разрубить узел жесточайших социальных противоречий, раскрыта «по-бурхановски» — энергично и страстно. Трагедия ученого-гуманиста, проникающего в тайны мироздания, далеко в своих прозрениях опередившего эпоху и ставящего себя с тупым консерватизмом реакционеров и мракобесов, выражена «по-бурхановски» — глубоко и мощно.

Также глубоко и мощно, энергично и страстно играл Бурханов роли «отрицательных» персонажей, выражая идеи антигуманизма, например, Антаталы в «Мукаддесе» Х. Алимджана или Антона Ивановича Сквозника-Дмухановского в голдовском «Ревизоре», интерпретированном А. Гинзбургом.

Я не упомянул и десятой части ролей, сыгранных Бурхановым более чем за 40 лет его сценической деятельности в Академическом театре имени Хамзы и в кино. Но из сказанного, надеюсь, ясно, что при всем разнообразии, основные его герои — гуманисты разных эпох и народов, пламенные мечтатели, бурные протестанты и напористые энергичные преобразователи.

Когда он встречается с образами современных борцов за свободу или с гуманистами прошлых эпох, единство мечты и действия передается им через мощную борьбу за погрязший идеал. Таковы его Гафур и Юлчи, Смит и Сатылмыш, Войничский и Брут, Улугбек и Эдип.

Когда Бурханов играет роли наших современников — творцов и созидателей нового общества, это единство выражено в страстной воодушевленности народных героев новой жизнью, в непреклонной воле к достижению прекрасных коммунистических идеалов. Таковы его Фрунзе и Ялантуш, Дундич и Сабир Рахимов, Максимов и Садыков и прежде всего — Владимир Ильич Ленин.

Он воссоздал образ вождя в четырех пьесах, в том числе в «Путевой звезде» К. Яшена, посвященной теме «Ленин и Туркестан», «Ленин и народы Средней Азии». Недавно появился его Ленин и на телеэкране. Именно в характерах героев революционной эпохи актер нашел совершенное, гармоничное единство пламенной мечты с героическим действием. Пламенная мечта эта выражала революционные идеалы народа. Героическое действие опиралось на сознательную волю и творческую мощь масс.

Бурханова можно назвать актером ленинской темы не

потому только, что ему была доверена роль величайшего гения человечества. К Ленину вел его весь предшествующий опыт. «От Ленина» как бы следует все дальнейшее творчество актера. Речь идет, разумеется, не о прямом продолжении отдельных черт и особенностей Ильича, хотя было и это, когда Бурханов играл ленинцев. Главное, говоря словами Бурханова, заключается в том, что «...Ленин — своеобразный творческий рубикон. Перейдя его, я не мог не установить для себя высокого критерия в подходе к каждой роли».

В героической устремленности созданных Бурхановым характеров прочитывается гражданский пафос некогда угнетенной нации, поднятой ленинской партией к свету и правде. В огненном темпераменте актера узнаются энергия и страсть, присущие национальному характеру. В напевности движений и речи ощущается присвоем выраженной древняя музыкальная и танцевальная культура народа. Но «родословная» стиля Бурханова просматривается не только в глубинных романтических пластах узбекской культуры, но и в дальнем русском историко-театральном слое, освященном искусством великого трагика Павла Мочалова.

Вот почему народного артиста СССР Шукра Бурханова называют в одном ряду с такими выдающимися мастерами советского театра, как Л. Леонидов и А. Остужев, Н. Симонов и Н. Мордвинов, А. Хидоятов и А. Хорава.

Буря мыслей, мятежи чувств и вихри страстей, сопровождающие героев Бурханова, — не только форма их существования. Они — само содержание устремленного в будущее, одухотворенного романтического героя. Но романтическая тональность эта неотделима от реалистической основы образов, от глубокого их психологизма.

Бурханов показывает простое в великом и великое в простом, необыкновенные силы обыкновенных людей и реальную земную сущность величайших представителей человечества. И в наивысших проявлениях своего таланта показывает с предельной самоотдачей художника, с той щедрой затратой духовной и нервной энергии, которые делают его иррациональным представителем той «школы переживания», которую К. С. Станиславский — знаменитый создатель «системы» реалистического сценического творчества — считал высшей ступенью актерского искусства.

«Сверхающие молнии» мыслей и «громовые раскаты» страстей героев Бурханова исходят из самых высших общественных идеалов нашей эпохи. Вот почему громовые раскаты Шукра Бурханова, потрясая сердца зрителей, оставляет неизгладимый след в их сознании.

Я. ФЕЛЬДМАН.
Театральный обозреватель «Правды Востока».